

ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

11

1995

НОВЫЙ МИР

1995

РУССКАЯ КНИГА ЗА РУБЕЖОМ

ОЛЕГ ЦИНГЕР. Где в гостях, а где дома. Воспоминания. (Рисунки автора). Париж. «Альбатрос». 1994. 160 стр.

Когда в нашем веке русская литература раздвоилась на отечественную и зарубежную, большая часть мемуарных книг писателей-эмигрантов издавалась в Париже с 20-х по 70-е годы. К 80-м стал понемногу иссякать родник воспоминаний, легли в гроб многие представители «серебряной» эпохи, которые помнили Старую Россию. Многие, но не все. В частности, благодаря парижскому книгоиздательству «Альбатрос» и его фактическому вдохновителю и главе Рене Герра и в наши дни во Франции продолжают выходить литературные труды русской эмиграции. С 1980 по 1994 год издан целый массив русской прозы и стихов. Издателя, деятельность которого не приносит никакой коммерческой прибыли, одушевляет любовь к русской культуре. В 1994 году на встрече со студентами и преподавателями философского факультета МГУ Рене Герра говорил, что ему приходится сотрудничать с тремя министерствами, чтобы поднять столь обширную программу.

Среди уже изданного «Альбатросом» — двадцати наименований — и «Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924 — 1974)» — очерки Ю. Терапиано (1987), и «Нерукотворный свет» — стихи А. Величковского (1981), и «Мой дом. Воспоминания и эссе» С. Голлербаха (1994)... Несколько ранее Р. Герра издал две прижизненные книги стихов Ирины Одоевцевой — «Златая цепь» (1975), «Портрет в рифмованной раме» (1976) и прозу С. Шаршуна — «Без тебя» (1972).

Из столь богатого соцветия хотелось бы выделить воспоминания Олега Цингера, «известного русского художника, живущего во Франции», как характеризует его в предисловии Р. Герра. «Ценители живописи, — читаем далее, — хорошо знают его картины, посвященные балагану с прыгающим и танцующим Петрушкой; его гротескные портреты, часто эти портреты — вольная интерпретация гоголевских типов; его пейзажи французского Юга, Испании, Германии». Издатель также обращает внимание на то, что отец О. Цингера, Александр Васильевич Цингер, был автором знаменитой в свое время книги «Занимательная ботаника», а мать — актрисой первого состава МХАТа. Небезынтересно, что под пером Цингера ожил и образ Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского, ставшего героем книги Даниила Гранина «Зубр».

О. Цингер описывает свои юношеские встречи и дружбу с Василием Алексеевичем Ватагиным, виднейшим художником-анималистом, оказавшим на него определенное влияние. Они вместе проводили время в Берлине, где рисовали с натуры в Зоологическом саду животных, вечерами же молодой Цингер приобщал Ватагина к светским удовольствиям, к шикарным кафе и джазу, до которых Ватагин не был большой охотник, а ходил туда за компанию со своим тогда всего только семнадцатилетним другом...

По страницам книги рассыпаны имена представителей семейств Чеховых, Шаяпиных, Добужинских, однако читателю весьма скоро становится ясно, что это не книга литературных портретов, как, например, тома И. Одоевцевой «На берегах Невы» и «На берегах Сены». Скорее это книга особой атмосферы, особой душевной легкости и уюта. Касаясь всего слегка, не углубляясь в «историософемы», в истолкование событий и персонажей, Цингер тем не менее достигает совершенно зримой панорамности, и, что самое главное, в его воспоминаниях слышна неповторимо-русская возвышенно-идеалистическая тональность, свойственная дореволюционной интеллигенции.

О. Цингер, художник до мозга костей, чувственно и наглядно обращается к былому. Вот одна из живых зарисовок: «Лед двинулся! Событие на всю Москву.

Крымский мост очень большой и состоит из нескольких арок на каменных овалных цоколях. Можно было подойти к перилам моста, взрослые всегда пропускали детей вперед. Сверху можно было наблюдать, как огромные глыбы льда наплывали на каменную преграду и ломались. Иногда куски льда громоздились друг на друга. Все это сопровождалось сильным грохотом, особенно когда огромный кусок льдины, еще посыпанный белым, пухлым снегом, налетал на каменный цоколь и разламывался на несколько частей. Стоя на мосту, можно было себе легко представить, что течет не вода со льдом, а ты сам стоишь на носу корабля и двигаешься вперед, ломая лед. Этим ощущением я мог наслаждаться без конца...»

В ровно-непринужденном, совершенно естественном рассказе живописца все же часть книги, посвященная России, детству, наиболее выпукла, пристальна и детальна. Ловля бронзовок, стрекоз, кузнечиков в Быкове, чтение Жюль Верна, первые стыдные откровения человеческой телесности обретают почти сакральную значительность, столь объемен мир, «вглотанный» (как говорила М. Цветаева) ребенком.

В этом смысле особенно шемяще-реальны картины старого Крыма. Там, в Темис-Су, отец художника устроил для беспризорных детей, в революцию оставшихся без родителей, школу. Он с жаром энтузиаста стал преподавать в этой импровизированной школе-интернате естественные науки, мать учила детей французскому и немецкому. Какой дивный детский мир создан был этой четой! В аду гражданской войны, несмотря на полунищенское существование, а потом и голод, появился уголок, где дети разных сословий, от самых простых до титулованных, приобщались к семейному уюту, к предупредительным, мягким отношениям, порядочности, чести. Одна из мелочей: маленький Олег пытался под влиянием «простых» мальчишек попрошайничать, но был пристыжен дамой, знавшей имя его отца. То было время, когда представители науки, ученые, естествоиспытатели были известны и почитались не менее, чем видные актеры или литераторы, чего сейчас почти уже нет в России, — наука, как и искусство, стала более кастовой, замкнутой.

Выразителен эпизод, где рассказывается, как мать О. Цингера была однажды ограблена в оливковой роще и, пойдя заявить о случившемся в комиссариат, увидела там за столом ограбившего ее человека. Описано и дремучее невежество новых хозяев жизни, припомнены большевистские «шуточки» в отношении прилично одетых, классово «чуждых» людей: «Гуляя с папой по «верхнему шоссе», мы увидели грузовик, наполненный солдатами, который ехал нам навстречу. Когда грузовик поравнялся с нами, мы услышали винтовочный выстрел, и пуля блеснула между мной и Булькой (собакой. — *Ст. А.*), ударившись в камень. Мы обернулись и увидели молодого солдата, который улыбался и закрывал затвор винтовки...» Впрочем, вполне возможно, что солдат вовсе и не шутил...

Камертон ко всей книге можно обнаружить на первой же странице, в начале главы «Москва», где Олег Цингер рассказывает... о своем рождении. Оказывается, он помнит, как это ни невероятно, самый момент своего появления на свет: «Это было как будто я сам спокойно себе говорю: «Вот ты теперь в этой комнате, ты тут родился, тебя положат, и ты сперва будешь младенец, так все начинается», — и потом все пропало и я стал младенцем»...

Акт самопознания, который у людей особо одаренных наступает крайне рано, явлен здесь как обращенное в будущую жизнь первопророчество... Внутреннее разделение на «я» и мир есть первый акт и краеугольный камень личности.

Личность эта — творческая. И в книге представлены образцы ее творчества — изящно-эротичная, характерно-пластичная графика. Не могу сказать, что рисунки эти по духу своему вполне соответствуют тексту, однако они дают представление о живописно-художественных возможностях автора. И потому они столь же уместны, как авторские рисунки другого художника-мемуариста, Сергея Голлербаха, чью книгу также издал в Париже Рене Герра. Здесь на память приходит еще один прецедент — заставки, концовки и иллюстрации Кузьмы Петрова-Водкина к его автобиографической трилогии «Хлыновск».

В конце книги, вопреки ее спокойно-безвыводной повествовательности, звучит настоящая декларация, своего рода жизненный итог: «Я не понимаю, как можно жить будущим, — пишет напоследок Олег Александрович. — Будущим, которого никто не знает. Для меня прошлое, пережитое и увиденное, — един-

ственно существующая правда. Единственное, что я могу любить искренно. Пушкин сказал, что нет убедительности в поношениях и нет истины, где нет любви. По-моему, проще и мудрей трудно сказать. Но много ли любви мы видим, например, в политике? Одно сплошное поношение кого-нибудь и чего-нибудь. Но я не хочу разводить философию, особенно теперь, когда жизнь моя подходит к концу. Человеческую жизнь, искания и поступки человека, на мой взгляд, лучше всего изобразил гениальный Иеронимус Босх. Посмотрите хотя бы на репродукции его картин, например, «Сад наслаждений» или «Воз сена», которые висят в Прадо в Мадриде. Посмотрите на другие его картины. Посмотрите на всех его чертей, ангелов, на эту фантастическую тупость, глупость, сумасшествие, на это стремление к наслаждениям всякого рода, на изысканные пытки и прекрасные сады, на поэзию, которая все это пронизывает. А главное, на живопись, это тонкое искусство, способное из хаоса сделать прекрасное...» На этих словах заканчивается «Где в гостях, а где дома» Олега Цингера, последнее многоточие поставлено в Гарше в 1989 году.

В заключение не могу не выразить сожаления по поводу хорошо известной книголюбом по изданиям 20-х годов надписи: «Настоящая книга отпечатана в количестве пятисот (всего! — *Ст. А.*) экземпляров, из которых десять экземпляров, нумерованных и подписанных автором, в продажу не поступают». А хотелось бы, чтобы книга эта обрела достаточно широкого российского читателя.

Станислав АЙДИНЯН.

АНТИПОДЫ. Литературно-публицистический журнал. Мельбурн (Австралия), 1995, № 1.

Это первый в Австралии литературно-публицистический журнал на русском языке. Скорее «тонкий». Выходит с 1993 года. Нерегулярно. Редакция считает, что цель журнала — удовлетворять культурные потребности русскоязычных читателей в Австралии. Журнал предоставляет свои страницы не только местным, но и зарубежным авторам (то есть из Израиля, США, Канады, Европы, стран СНГ). Как можно понять из некоторых публикаций, читатели «Антиподов» принадлежат к той последней волне эмигрантов из России, которые по разным причинам с трудом интегрируются в жизнь местной еврейской общины и предпочитают создавать свои «русские» клубы и объединения. Проблемы такой интеграции тоже освещаются в журнале. В последнем по времени выхода номере «Антиподов» (1995, № 1) продолжается полемика о так называемом Балаклавском «гетто» (Балаклава в данном случае есть мельбурнский аналог нью-йоркского района Брайтон-Бич), печатаются отрывок из книги Ханны Арендт «Происхождение тоталитаризма», хрестоматийные «Гарики на каждый день» И. Губермана, рассказ С. Костырко (Москва) «Конец сезона», стихи Риммы Марковой из Санкт-Петербурга и Германа Дробиза из Екатеринбурга. В рубрике «Новые имена» — глава из книги Галины Диндас-Кордин «Тройной капкан» (перевод — неизвестно, с какого языка — Э. Поляковой). Тут же — стихи жителей Мельбурна Ю. Обоева и А. Грозубинского, обзор израильской прессы А. Кругмана. В рубрике «Страницы истории» — статья М. Шифмана о царе Ироде I. Фрагменты известной книги С. Довлатова «Ремесло». В нынешнем — еще не устоявшемся — виде журнал «Антиподы» имеет чисто региональное значение. Но, судя по письмам читателей, потребность в таком издании есть, и немалая.

А. В.